

яким дослідники міфопоетики слідом за М.Еліаде вбачають цінність людського існування з погляду міфологічної свідомості.

ЛІТЕРАТУРА

1. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. - Л.: Наука, 1983.
2. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. – М.: Республика, 1996.
3. Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. - М.: Наука, 1978.
4. Голіченко Т.С. Слов'янська міфологія і антична культура. – К.: Наукова думка, 1994.
5. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Наука, 1972.
6. Иванов Вяч.Вс. К семиотическому изучению культурной истории большого города // Семиотика пространства и пространство семиотики. – Уч.зап. Тартуского гос.ун-та. Вып.720. Труды по знаковым системам. XIX. – Тарту, 1986. С.7-24.
7. Керлот Х.Э. Словарь символов. – М.: REFL-book, 1994.
8. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976.
9. Мифы народов мира. Энци.: в 2-х т. / Гл.ред. С.А.Токарев. – М.: НИ “Большая Рос.энц.”, 1998. Т.2.
10. Толстой Н.И. Времени магический круг (по представлениям славян) // Логический анализ языка. Язык и время. – М.: Индрик, 1997. С.17-27.
11. Тресиддер Дж. Словарь символов. – М.: ФАИР-Пресс, 1999.
12. Цивьян Т.В. Мифологическое программирование повседневной жизни // Этнические стереотипы поведения. – Л.: Наука, 1985. С.154-178.
13. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Сост. В.Андреева и др. – М.: Локид; Миф.
14. Языковое сознание и образ мира. - М., 2000.

Дата надходження до редколегії 28.02.03.p.

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СФЕРЫ «КУЛЬТУРА» В СЕМАНТИКЕ АНГЛИЙСКИХ АНТРОПОНИМОВ ГЕРМАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

УДК: 81.373.23

©Гнаповская Л.В.

English anthroponyms of Germanic origin are treated in the article in respect to cultural potential encoded in their semantic structure. The ways conceptual sphere “Culture” is represented in the appellatives of Germanic personal names are under study. The general idea we advocate is that each anthroponym should be viewed as a peculiar cognitive structure which represents a knowledge format pertaining to the way of integrating the named person into the existent social world.

В контексте современных функционально ориентированных исследований актуальным стало рассмотрение языка не только как орудия познания и общения, но и как культурного кода нации. При этом культура, считает Б.А. Успенский, может быть представлена как непрерывный процесс коммуникаций индивида с внеположенной ему действительностью, при котором непрерывно поступающая от адресанта (отправителя сообщения) новая информация обуславливает ту или иную ответную реакцию со стороны конкретного индивида и/или со стороны общественного адресата социума как коллективной личности [9: 12]. Соответственно, культура понимается нами как система представлений, обуславливающих восприятие человеком-личностью событий окружающего его мира и предопределяющих его реакцию на эти события.

Объектом анализа в предлагаемой статье выступают английские имена германского происхождения¹, семантика апеллятивных основ которых отсылает исследователя к вербальной

¹ Данная группа имён представлена хронологически наиболее ранними антропонимами германского происхождения, пришедшими в современную систему английских личных имён до VII века н.э., а также

экспликация концептуальной сферы (далее КС) «Культура»². Имена эти отражают систему духовных приоритетов германцев, стоявших у истоков формирования англичан как нации. При этом семантические сферы (СС), эксплицирующие рассматриваемую КС, представлены следующим образом: СС₁ «Сакральная сфера», СС₂ «Ментальная сфера» и СС₃ «Аксиологические ценности».

В сакральной сфере выделяется несколько семантических разделов (СР), служащих для обозначения самого понятия «священного», реализующегося в 4-х аспектах:

- обозначение субъектов поклонения;
- мифологемы;
- номинация культовых помещений;
- обозначение служителей культа.

Комплексный анализ лексической наполняемости указанных СР позволяет представить общую картину магиико-религиозных представлений и верований англосаксов раннего средневековья. Так, говоря об обозначениях *субъектов религиозного поклонения*, следует отметить, что наиболее частотными в данном СР являются основы «ас» (10 случаев употребления – в мужских и 1 в женском именах) и «эльф» (7 5+2), отражающие противопоставление в германской мифологии богов («асы») – представителей высшей мифологии и духов («эльфы») – персонажей из низшей мифологии германских народов. В германо-скандинавских мифологических сюжетах асы – основная группа богов, проживавших в небесном селении Асгарде и возглавляемых Одним – отцом большинства асов, которых в целом насчитывалось 12. Иногда слово «ас» (др.-англ. *ōs*, днв. *ans*) употреблялось для обозначения «бога, божества» вообще синонимично лексеме «бог» (др.-англ. *god*), и включение его в собственные имена у различных германских племён, в т.ч. у англосаксов (см. муж. имена *Anselm* – «ас» + «шлем»; *Oswin* – «ас» + «друг»; *Oswald* – «ас» + «власть/править»; *Osmund* – «ас» + «защита»; *Osgar* – «ас» + «копье»), а также упоминание Иорданом культа асов у готов свидетельствует об общегерманском распространении представления об асах до принятия германцами христианства [7: 119-120].

Представления об эльфах у англосаксов восходили к германо-скандинавским альвам, и, подобно последним, эльфы делились на светлых и темных. Очевидно, упоминание эльфов в жен. ЛИ (*Elva* – «эльф»: букв. «похожая на эльфа, миниатюрная, нежная»; *Elfri(e)da* – «эльф» + «мир, покой») восходит к описаниям светлых эльфов – духов воздуха, атмосферы – красивых маленьких человечков в шапочках из цветов, которые обитали в деревьях (деревья в таком случае нельзя было рубить) и любили водить хороводы при лунном свете. Их музыка зачаровывала слушателей и заставляла танцевать даже неживую природу.

Анализ сочетаемости элемента «эльф» с лексемами, обозначающими силу, власть, военную деятельность в составе аппеллятивных основ мужских антропонимов (напр., *Alvar* – «эльф» + «армия»; *Aubrey* < др.-англ. *Aelfric* – «эльф» + «богатый → могущественный») наталкивает на предположение о том, что в данном случае упоминание эльфов восходит к обозначению тех эльфов, которые имели своих королей, вели войны и т.п., к так называемым «тёмным» эльфам, олицетворявшим низшие духи природных стихий: саламандр (духов огня), сильфов (духов воздуха), ундин (духов воды), гномов (духов земли – подземных кузнецов, хранивших в горах сокровища) [op. cit.].

Обозначение «великана» (др.-англ. *huni*) в английских антропонимах германского происхождения встречается всего в одном мужском имени *Humphre(y)* (др.-англ. форма *Hunfrith* < «великан» + «мир, покой»). Однако само упоминание данного божества говорит о его присутствии в общей системе магиико-религиозных представлений англосаксов. В германских мифологических преданиях великаны как группа антропоморфных существ гигантского размера представлены двояко. С одной стороны, это древние исполины – первые обитатели Вселенной, мира, предшествующие по времени богам и людям. Представление о них включает их великую мудрость. С другой стороны, великаны противопоставляются богам (прежде всего асам) и в пространстве – как жители холодной каменистой страны на северной и восточной окраинах земли, как представители стихийных, демонических природных сил, враги асов, алчущие отнять у последних их жён и чудесные сокровища атрибуты богов, например, молот Тора и молодильные яблоки Идуны [6: 212].

именами, появившимися в ней после норманского завоевания в качестве офранцузенных антропонимов, восходящих к германским основам.

² Концептуальная сфера «Культура» в качестве составного элемента входит в структуру общего ономазиологического пространства, разворачивающегося за совокупностью антропонимических аппеллятивов германского происхождения наряду с такими концептуальными сферами как «Человек», «Пространство и время», «Общество» (подробнее см. [3]).

Возможно, комбинирование элемента «великан» с лексемой «мир, покой» (др.-англ. *frith(u)*) в составе упомянутого выше антропонима *Humphre(y)* имело целью нейтрализовать действие коварных сил великанов и таким образом обеспечить носителю имени защиту от злых духов, даровав ему покой, мир и благополучие¹.

Употребление в составе апеллятивных основ личных имён германского происхождения (ЛИГ) - обозначений отдельных представителей германского пантеона богов также можно, на наш взгляд, рассматривать как стремление путем упоминания имени бога завоевать покровительство и заступничество последнего и таким образом даровать нарекаемому данным именем ребёнку силу, славу и богатство, равно как и достоинства и доблести, характеризующие то или иное божество. Свидетельство тому – жен. имена *Ermentrude* («Ирмин» + «сила → сильный»: букв. «сильная поддержкой, силой Ирмина»), *Ermengarde* («Ирмин» + «стража, защита»: букв. «та, которая находится под защитой Ирмина»). В них наряду с пожеланием девочке, носящей данное имя, находится под опекой, защитой германского божества Ирмина имплицитно, очевидно, еще одно стремление родителей ребенка – путем сопричастности к священному имени бога обеспечить именуемому *вечную жизнь* на земле и небесах. Это связано с тем, что в «Истории саксов» (X век) Ирмин соотносится с культовым столпом саксов Ирминсуль, который являлся аналогом Игддрасиля – мирового дерева в скандинавской мифологии, символизировавшего жизнь [6: 256].

Стремлением объединить богатство, счастье, процветание, ассоциировавшееся с именем германского божества Инга (бога плодородия, изобилия), считавшегося родоначальником одной из трех племенных групп германцев – ингевонов, и силу, воинскую доблесть, которые воплощались в образе ворона, объясняется название мальчика именем *Ingram*, этимологически восходящим к сложению двух основ: Ing («бог Инг») и двн. *hraban* («ворон»).

Структурно простой мужской антропоним *Odin* с метафорическим значением «яростный, неистовый» зафиксирован в лексикографических источниках как самостоятельное мужское имя, не получившее широкого распространения и помещенное на этом основании в раздел имен с достаточно красноречивым названием «A Galaxy of the Unusual» [WNYB: 300]. И все же само существование данного имени ценно с точки зрения возможности разворачивания внутренней формы определенного мифологического сюжета, вписанного в общую систему религиозных верований древних германцев еще в период их континентального обитания. Этимологически имя *Odin* восходит к обозначению верховного бога в скандинавской мифологии, соответствующего Водану (Вотану) у континентальных германцев. Примечательно, что первоначально Водан-Один не входил в небесный пантеон богов, а представлял духовную власть и мудрость как первую функцию богов в трехфункциональной системе (другие функции – военная сила и богатство-плодородие). Превращение Водана-Одина в небесного и верховного бога связано не только с укреплением воинских союзов и повышением удельного веса бога – покровителя военных дружин, но и с расщеплением у древних германцев первоначального представления о загробном мире и с перенесением на небо особого царства мертвых для избранных – смелых воинов, павших в бою. В качестве хозяина такого воинского «рая» был избран Один как важнейшее небесное божество [6: 410-411]. С учетом вышесказанного понятным становится появление мужского имени *Odin* в антропонимической системе англосаксов, которая формировалась в условиях т.н. «военной демократии» с присущим ей культом силы, мощи, неистовства (характеризовавшими самого бога Одина) как высших воинских доблестей.

В целом наличие в составе апеллятивов английских ЛИ, восходящих к германским основам, достаточно расчлененной системы обозначения субъектов религиозного поклонения на фоне явного преобладания названий отдельных групп богов (асов и эльфов) над общим обозначением «бог», встречающемся всего в трех мужских антропонимах (*Goddard* – «бог» + «сильный», *Godfrey* – «бог» + «мир, покой», *Godwin* – «бог» + «друг»), бесспорно свидетельствует об *актуальности языческого мировоззрения* для англосаксов раннего средневековья. Дополнительное подтверждение этому – употребление в качестве антропонимического апеллятива мифологема «решение судьбы» (двн. *gagin*), встречающейся в следующих мужских именах: *Reynold* – «решение судьбы» + «править, господствовать», *Reginald* – «решение судьбы» + «управлять», *Rayner* – «решение судьбы» + «армия», *Raymond* – «решение судьбы» + «защита». Положение данной лексемы только в первой позиции в составе композитных ЛИ свидетельствует о ее сакральном значении: мифологема «решение судьбы»

¹ Следует заметить, что в контексте мифопоэтического сознания англосаксов эпохи раннего средневековья имя являлось неотъемлемой частью его носителя и отождествлялось с последним.

указывает на древнегерманскую концепцию мироздания, высшей силой которой оказывалась судьба, зачастую идентифицируемая со временем, власть которой распространялась и на богов [8: 130].

Лексем, относящихся к семантической группе (СГ) «*Культовые помещения*» и СГ «*Служители культа*», всего две: «церковь» (др.-англ. *cir(i)ce*) и «священник» (др.-англ. *preost*). Реализованы они в муж. именах: *Kirby* – букв. «тот, кто проживает возле церкви», *Prescot* – «хижина (жилище) священника» и *Preston* – «усадьба священника» или «поселок, селение, в котором есть священник». Данные ЛИ пришли в английский антропонимикон гораздо позднее, чем рассмотренные выше имена, в апеллятивах которых упоминаются названия богов или мифологем. Генетически они представляют собой отфамильные (изначально – оттопонимические) образования, указывающие на место жительства носителя имени и его семьи. При этом сигнификаты лексем «церковь» и «священник» содержат понятия из сферы «священного» – «культовое помещение» и «служитель религиозного культа», и закодированная в них информация свидетельствует о том, что ко времени их возникновения у англосаксов в качестве главенствующей утвердилась пришедшая на смену язычеству христианская религия с оформившимся институтом служителей культа (священник – один из представителей этого института) и наличием помещения для отправления культовых обрядов (церковь). Однако, соединяясь со словами пространственной семантики «возле, близко» и «жилище», «усадьба, селение», лексемы «церковь» и «священник» теряют свой сакральный характер. В составе антропонимических композитов они употребляются в первой позиции, что свидетельствует о выполнении ими функции зависимых элементов, модификаторов семантически ядерных понятий, роль которых в именах *Kirby*, *Prescot* и *Preston* выполняют лексемы, указывающие на характер пространственной ориентации человека в природном и социальном пространстве. В целом же, рассматривая проанализированные ЛИ как свёрнутые национально-культурные тексты [3], можно заключить, что они наглядно демонстрируют ситуацию, когда, по словам Ю.М. Лотмана, «из одного и того же текста можно извлекать черты бытовой реальности и идеальные представления людей эпохи» [5: 83].

Ментальная сфера человека представлена в английских ЛИГ лексемами «мысль, мысли» (двн. *dank*), «душа, дух, ум (мысль)» (двн. *hugu*), «воля, желание» (др.-англ. *will(a)*) и «память» (двн. *minna*). Обращает на себя внимание факт их преимущественного функционирования в первой позиции, что можно, на наш взгляд, объяснить близостью реализованных в указанных лексемах понятий в сфере священного, сокрытого от непосредственного созерцания. Все эти ментальные процессы и состояния в понимании древних англосаксов были сакрализованы и освящены высшей божественной благодатью. Подтверждение высказанному предположению можно найти, обратившись к германским мифологическим сюжетам. Так, упоминавшийся нами ранее верховный бог скандинавов и древних германцев Один-Вотан обычно изображался с двумя воронами на плечах – Хугином («мысль») и Мунином («память»), которые летали по свету и сообщали божеству обо всем, что видели (ср. современные ЛИ – муж. *Hugh*, *Hugo* с этимологическим значением «душа, ум» и жен. *Minna*, означающее «память»).

Вследствие близости к сакральным понятиям лексемы, обозначающие ментальную деятельность, не могли быть подвергнуты описанию или уточнению, что было бы возможно в случае их употребления на втором месте в составе композитных имен. Напротив, они сами могли усиливать воздействие семантически ядерного второго элемента, к примеру, в мужском антропониме *Hubert* – «душа» + «яркий → знаменитый», т.е. «знаменитый, яркий своей душой».

Наиболее частотными из всех лексем, представляющих СС «Ментальная сфера» в составе апеллятивных основ ЛИГ, являются элементы «воля» (9 случаев употребления – в 6 муж. и 3 жен. именах) и «совет» (10 – 6 + 4). Очевидно, данные апеллятивы, эксплицирующие интенциональную сторону ментальной деятельности («воля») или отражающие ее результат («совет»), были наиболее релевантны и социально значимы, поскольку ассоциировались с высшими ценностными ориентациями социума – *стремлением* к славе, богатству, известности и *мудростью* как основой всех деяний. Употребление элемента «совет → мудрость» преимущественно во второй позиции в композитных именах подтверждает высказанное нами предположение о выполнении им роли приоритетного понятия, значимость которого могла усиливаться сочетанием с компонентом, также отражающим ментальную деятельность человека. Пример тому – муж. ЛИ *Tancred*, образованное сложением основ «мысль» + «совет», в котором значение «совет → мудрость» интенсифицируется элементом «мысль»: *Tancred* – это «советующий, мудрый своими мыслями».

В целом элементы, представляющие ментальную сферу, достаточно близко подходят, с одной стороны, к лексемам, отражающим круг сакральных понятий («мысль», «душа, ум», «память»), с другой – к обозначениям аксиологических ценностей как высших ориентационных установок

англосаксонского общества («воля», «совет → мудрость»). С учетом этого можно сказать, что СС «Ментальная сфера», в том виде как она представлена в семантике апеллятивных основ германских антропонимов, представляет собой пограничную область, поскольку сигнификаты зафиксированных в ней элементов диффузно проникают в СС «Сакральная сфера» и СС «Аксиологические ценности».

В СС «Аксиологические ценности» мы выделяем две СГ: «Абстрактные понятия» и «Личностные качества». Распределение лексем по указанным СГ является в некотором роде искусственным, поскольку абстрактные понятия находят свое воплощение в атрибутах (личностных качествах), и во многих случаях их значение в составе ЛИ тяготеет более к атрибутивному, чем к субстантивному началу: «отвага, мужество → отважный, мужественный», «сила → сильный», «слава → славный», «честь → честный» и т.п. (см. имена *Ro(w)land (Orlando)* – «слава» + «земля», т.е. «славная земля»; *Roderic(k)* – «слава» + «могущественный, богатый», т.е. «могущественный, славный»; *Erhard* – «честь» + «сильный», т.е. «сильный, честный»).

Рассматривая представленную в апеллятивах анализируемых имён систему аксиологических ценностей англосаксов эпохи раннего средневековья, мы по сути рассматриваем ее через призму интенции родителей видеть нарекаемого именем ребенка «вписанным» в общую модель поведенческого типа общества, желания реализовать свои моральные приоритеты и установки в ценностно значимом «другом». Иными словами, мы анализируем, по терминологии М.М. Бахтина, «амплитуду биографического мира /.../ и характер авторитетной «дружости», в зависимости от которых возможны два типа «биографически ценностного сознания»: авантюрно-героический тип и социально-бытовой тип [1: 135].

Как показал анализ, сознание древних англосаксов можно охарактеризовать как сознание первого типа – *авантюрно-героическое*, в основе которого, в концепции М.М. Бахтина, лежит «воля быть героем, иметь значение в мире других» [op.cit.: 136], *прославить* себя. При этом понятие «слава» доминирует в семантике лексем, относимых нами к рассматриваемым СГ: ведь быть богатым, благородным, отважным, мудрым, а значит известным – все это варианты единого стремления к славе и связанным с ней силой, счастьем, честью и т.п. Подтверждение этому – фигурирование компонента «слава» (двн. *hrod, hruod*) только в составе двухкомпонентных имен и только на первом месте. «Слава», сочетаясь с лексемами из военной сферы (см. имя *Roger* – «слава» + «копье»), из экономической сферы (*Roderic(k)* – «слава» + «богатый → могущественный»), из социально-юридической сферы (*Roald* – «слава» + «управлять (власть)'), с элементом «волк», символизирующим «силу, воинскую доблесть» (*Rudolph* – «слава» + «волк»), составной частью входит в выражаемые данными лексемами понятия «силы», «власти», «богатства», «могущества» и, следовательно, пронизывает указанные сферы общественной деятельности. В сочетании с элементом из СС «Аксиологические ценности» «яркий → знаменитый» (др.-англ. *beorht*) в имени *Robert (Rupert)*, «слава» получает свое визуальное воплощение – она сияет, привлекая внимание и делая носителя имени ещё более знаменитым.

Анализ составляющих СС «Аксиологические ценности» апеллятивов ЛИГ показал, что в лексемах, представляющих данную сферу, реализуется одна из моделей славы, которые, по утверждению Ю.М. Лотмана [5: 83], знало раннее средневековье – *модель феодально-рыцарская*. Здесь релевантным является признак «слава/бесславие» («известность/неизвестность»), а не признак «вечность/тленность» («земная слава мгновенна»), доминирующий в христианско-церковной модели славы, что лишней раз убедительно доказывает тот факт, что к моменту возникновения ЛИ с аксиологически маркированной семантикой христианство как система религиозных убеждений еще не заняло прочных позиций в сознании англосаксонских народностей.

В целом, говоря о системе аксиологических ценностей англосаксов эпохи раннего средневековья, можно утверждать, что все эти ценности «индивидуалистичны», но при этом они «не оторваны от лица других, приобщены к бытию дружости, нуждаются в нем и питают свою силу его авторитетностью» [1: 136]. Иначе говоря, стремление к славе, силе, почету, известности – это своего рода осознание себя в другом, по отношению к которому все эти свойства и качества проявляются. Нарекая ребёнка именем, в составе которого реализованы, к примеру, такие высокочастотные лексемы, как «благородный» (25), «знаменитый» (23), «мудрый» (10), «сильный» (9), «слава» (9) и т.п., имядатель сознательно «героизирует» нарекаемого именем ребёнка. Именующий родитель, таким образом, задает именуемому своего рода программу, сценарий (фрейм) его утверждения в обществе, приобщения к этому обществу, управления в нём своим будущим, создаваемым по подобию других; дает ребёнку установку расти не в себе и для себя, а в других и для других, занять достойное место в мире современников и потомков. При этом организующим началом в

формировании личности именуемого выступает будущее, в котором личность ценностно видит себя (самосознание) и осознается другим (другими).

Примечательным при рассмотрении семантики лексем, отражающих круг аксиологических ценностей англосаксонской культурно-исторической традиции, является факт практического отсутствия апеллятивов, отражающих проявление человеческих чувств, не связанных с указанным выше стремлением к славе. Указание на чувство «любви», «нежности», «привязанности» представлено всего тремя лексемами: «дорогой, любимый» (др.-англ. *leof*) в муж. имени *Lubin* – «дорогой друг»; «дорогая, любимая» (др.-англ. *dēorling*) в жен. антропониме *Darlene (Darline)* и «сладкая → любимая» (< др.-англ. *hunig* – «мед») в жен. ЛИ *Honey*. Указанный факт достаточно убедительно подтверждает мысль А. Вежбицкой о том, что личные имена «несут важные прагматические значения, в которых отражен характер человеческих взаимоотношений /.../, отражается степень, в которой принято проявлять свои чувства во взаимоотношениях людей, а также конкретный характер этих чувств» [2: 192-193]. При этом следует принимать во внимание, что разные культуры существенно отличаются в этом отношении. Так, считает А. Вежбицка, в английской культурно-исторической традиции проявление эмоций в личных отношениях не поощряется, в результате чего место, занимаемое нежностью, любовью и их различными манифестациями, очень ограничено /op.cit./. Напротив, в английских антропонимах (даже в гипокористических формах типа *Bill, Bob, Dan, Rob, Roy* и т.п.) в качестве одной из отправных точек отсчета в человеческих отношениях утверждается *мужественность*, которая, как правило, не связывается с такими чувствами, как симпатия, нежность, ласка и т.п. Объяснить такое положение дел можно тем, что у истоков формирования английской нации стояли германские племена англов, саксов, ютов и фризов, в V веке н.э. завоевателями пришедшие на Британские острова. Именно древние германцы, необузданные и порой варварски жестокие, принесли с собой на Британские острова свои антропонимы, суровые в силу грубости и неистовства их носителей – имена, в семантике апеллятивных основ которых главенствующее место занимают лексемы, отражающие атрибуты и ценности эпохи «военной демократии». Лексемы же, содержащие в своей семантической структуре указание на характер чисто человеческих отношений (привязанность, любовь, нежность), практически отсутствуют и являются непродуктивными даже в среде женских антропонимов.

В целом проведенный анализ достаточно наглядно показал, что в наиболее общем виде антропонимическая картина мира англосаксонской культурно-исторической традиции представляет собой сложное субъект-объектное образование, включающее в себя в качестве неотъемлемых компонентов, с одной стороны, окружающую действительность, с другой — воспринимающего её человека. Последний в данной картине «присутствует как её организующее начало» [4: 48], а сама модель мира является результатом особого взаимодействия «Человек — Мир», условно подразделяемого на сферу взаимодействия человека с природой и сферу взаимодействия человека с человеком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979.
2. Вежбицка А. Язык, культура, познание: Пер. с англ. — М.: Рус. словари, 1996.
3. Гнаповская Л.В. Лингвокогнитивные и лингвокультурологические характеристики английских антропонимов германского происхождения: Дис... канд. филол. наук: 10.02.04. — К., 1999.
4. Жаботинская С.А. К вопросу о принципах построения концептуальной модели языковой номинации // Имя: Слово, словосочетание, предложение, текст (именование на различных уровнях языка). — К.: ИСИО, 1993. — С. 48-56.
5. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. — М.: Гнозис; Изд. группа «Прогресс», 1992.
6. Мифологический словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1991.
7. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. — М.: Сов. энциклопедия, 1991. — Т.1.
8. Топорова Т.В. Культура в «зеркале языка»: Древнегерманские двучленные имена собственные. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
9. Успенский Б.А. Избранные труды: В 2 т. — М.: Гнозис, 1994. — Т.1: Семиотика истории. Семиотика культуры.
10. WNYB: Nurnberg M., Rosenblum M. What to Name Your Baby. The Meaning and Story of Names. — New York: Macmillan Publishing Co., 1978.

Дата надходження до редколег 05.02. 2003 р.